УДК 801.51; 811.111;811.512

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ДЕРИВАЦИЯ КАК ВАЖНЕЙШИЙ МЕХАНИЗМ СОДЕРЖАТЕЛЬНОЙ ДИНАМИКИ ЯЗЫКА (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ)

Тодосиенко З.В.

ГОУ ВПО «Башкирский государственный университет», Уфа, e-mail: rector@bsu.bashedu.ru

Статья посвящена исследованию семантической деривации в кругу других содержательных изменений в языке. Как известно, еще в 19 веке многие ученые, изучавшие семантические изменения, признавали необходимость классификации определенных типов семантических переходов. В лингвистической литературе того времени выдвигались различные принципы классификации семантических изменений. Актуальность статьи не вызывает сомнения, поскольку семантическая деривация является наиболее продуктивным способом обогащения словарного состава любого языка, в отличие от других видов семантических изменений. На современном этапе развития лингвистики особенно актуальным является изучение моделей регулярных семантических переходов в неродственных разноструктурных языках. Предпринимается попытка исследовать регулярные метафорические переносы, т.к. метафора представляет собой один из распространенных видов семантической деривации. В статье обосновывается антропоцентризм метафоры как одного из способов отражения языковой картины мира.

Ключевые слова: семантическая деривация, модели семантических переходов, метафора, разноструктурные языки

SEMANTIC DERIVATION AS AN ESSENTIAL MECHANISM FOR MEANINGFUL LANGUAGE SPEAKERS (BASED ON RUSSIAN AND ENGLISH LANGUAGES)

Todosienko Z.V.

Bashkir State University, Ufa, e-mail: rector@bsu.bashedu.ru

The article investigates the semantic derivation among other substantive changes in the language. As is known, in the 19th century, many scientists studying the semantic changes, recognized the necessity to classify certain types of semantic transitions. In linguistic literature of the time been various classification principles of semantic change. Actuality of the article is no doubt, because the semantic derivation is the most productive way to enrich the vocabulary of any language, as opposed to other types of semantic change. At the present stage of development of linguistics is especially important to study models of semantic transitions in regular unrelated languages. The attempt to explore the metaphorical regular shifts because metaphor is one of the common types of semantic derivation. The article explains the anthropocentrism of metaphor as a way to reflect the linguistic world.

Keywords: semantic derivation, semantic models transitions, metaphor, unrelated languages

Теории значения слова всегда уделялось огромное внимание. Некоторые ученые полагают, что становление семасиологии как особого раздела языкознания началось еще в 1897 году, когда появился труд М. Бреаля «Essai de Semantique». Как самостоятельная лингвистическая дисциплина она оформилась в конце XIX века, а термин «семасиология» был впервые употреблен Э. Рейзингом в первой половине XIX века. Исследованиями в этой области занимались многие выдающиеся лингвисты. Изучение лексического значения в данный период представляло собой одну из центральных проблем.

В России проблемой изменения значения слова занимался А.А. Потебня. Он разработал теорию «внутренней формы слова», представляющей собой «ближайшее этимологическое значение слова». По мнению А.А. Потебни, внутренняя форма слова может существовать несколько веков, а может забываться. С помощью внутренней формы ученый объяснял возникновение новых значений слов, а также их понимание всеми носителями данного языка [10].

Еще в XIX веке исследователи, изучавшие семантические изменения, столкнулись с необходимостью их классифицировать и выделить определенные типы семантических переходов. В лингвистической литературе того времени выдвигались различные принципы классификации семантических изменений. Так, выдающийся представитель младограмматического направления Г. Пауль в своей работе «Принципы истории языка» предполагает, что изменение первоначального значения слова представляют собой «отклонение окказионального значения от узуального, в котором и содержится «зародыш» подлинного изменения слова» [11]. Г. Пауль противопоставлял речевую деятельность каждого индивида, в которой возникают определенные отклонения от узуального употребления данного слова в языке. По мнению Г. Пауля, семантические изменения слов происходят не по причине языковых или неязыковых процессов, а в соответствии с общепринятой логической схемой.

В основу своей классификации Г. Пауль закладывает семантические изменения

в объеме и содержании соотнесенных со словами представлений, выделяя следующие виды смысловых изменений:

1) «сужение объема и обогащение содержания» (специализация значения);

2) «обеднение содержания, связанное с расширением содержания представления»;

3) «перенос названия на основании пространственных, временных или казуальных связей»;

4) «некоторые разновидности изменений значений, не поддающиеся простому подведению под один из трех основных классов» [11].

В начале XX века исследования в лингвистической семантике переместились с диахронического аспекта в синхронический.

Понятие деривации было введено в 30-х годах XX века Е. Куриловичем, который разделял ее на лексическую и синтаксическую деривацию. По его мнению, лексическая деривация направлена на преобразование лексического значения исходной единицы, в то время как синтаксическая – на преобразование синтаксической функции. Процесс деривации предполагает создание вторичной, результативной единицы, а также определенных деривационных отношений (отношения словообразовательной производности).

Отметим, что семантическая деривация – это процесс появления у слова семантически производных значений, сознаний, семантических коннотаций, т.е. процесс расширения семантического объёма слова, приводящий к появлению семантического синкретизма, а потом и процесс распадения семантического синкретизма, приводящий к появлению явления так называемой полисемии. Семантическая деривация имеет направления изменений, которые определяют основные типы самой деривации: метонимические и метафорические процессы изменений в семантической структуре слова [8].

Ряд исследователей, разграничивая внеязыковые и языковые причины семантической деривации, представляют изменения, вызванные языковыми причинами, в виде классификаций, опирающиеся на выделение в слове его знаковой и смысловой стороны. Так, Г. Стерн среди изменений, обусловленных языковыми факторами, различает следующие типы семантической деривации:

1) субституция – изменение значения в связи с изменениями в референтах, с изменениями знаний о референтах или изменением оценки референтов;

2) аналогия – появление у слова нового значения по аналогии с каким-либо другим словом, с которым первое слово семантически связано;

3) сокращение – возникновение нового значения в результате усечения словосочетания;

4) номинация – намеренный перенос наименования на основании сходства между разными классами референтов, использование имен собственных для обозначения открытий, предметов одежды, для обозначения людей;

5) регулярный перенос – спонтанный перенос наименования с одного референта на другой, происходящий в результате сокращения;

6) перемещение – перенос метонимического характера на основании смежности;

7) выравнивание – изменение значения слова в соответствии с восприятием говорящим действительно присущих референту характеристик [2].

Классификация Г. Стерна оказала огромное влияние на С. Ульмана, который в своей работе «Принципы семасиологии» (1957) устанавливает четырехкомпонентную систему, основанную на том, что семантическая деривация может быть обусловлена:

1) сходством между смыслом двух слов;

2) контактом между смыслом двух слов;

3) сходством между двумя именами;

4) контактом между двумя именами.

Таким образом, Г. Ульман выделял следующие типы семантических изменений:

1. Разного рода «метафоры», например, перенесение названий частей тела на неодушевленные предметы: ушко (иголки); ручка (двери); теплые краски, сладкие звуки.

2. Различные «метонимии», например, он выпил целый стакан; партер аплодировал.

3. Сюда относятся явления «народной этимологии», случаи переосмысления слова на основе его внешней звуковой близости к другому слову; например, употребление слова довлеть в современном русском языке в значении «тяготеть, господствовать» связано с его сближением со словами давить, давление.

4. Более или менее устойчивое соседство двух слов во фразе может привести к сокращению, т.е. одно из слов опускается, а оставшееся передает смысл всего словосочетания; например, различные случаи субстантивации прилагательных [14].

Предметом внимания ученых становятся такие аспекты семантической деривации, как ее место в семасиологии, ее связь с полисемией, причины возникновения различных видов семантической деривации.

Д.Н. Ушаков выделяет следующие типы семантических изменений. Самой распространенной категорией он считает «перенос

значения», т.е. перенос «по сходству» (метафора) и «по смежности» (метонимия), а также расширение, сужение значения и переход имен собственных в нарицательные. Автор обращает внимание на то, что от долгого употребления слова в переносном значении переносное значение может использоваться говорящим как прямое. В истории любого языка прямое значение слова может возникать из переносных или слово в прямом значении перестает употребляться и остается только его переносное значение, которое воспринимается как прямое.

Опираясь на опыт многих ученых, можно сделать вывод, что наиболее распространенными типами семантических изменений являются метафора и метонимия. Однако мы полагаем, что необходимо обратить внимание на следующие виды семантических изменений, такие как расширение и сужение значения, табу, улучшение и ухудшение значения, эвфемизмы.

Как известно в процессе изменения слова действуют две противоположные тенденции: одни слова стараются расширить свое значение, другие – сузить его. Так, английское слово bird «птица» расширило свое значение по сравнению с древнеанглийским, где оно использовалось только в значении «птенец». С другой стороны, старое название птицы fowl развивалось в противоположном направлении. Первоначально оно обозначало птицу вообще, постепенно значение сузилось до современного значения «домашняя птица». Расширение и сужение значения могут быть следствием различных причин. Одни из них являются языковыми, другие – психологическими или социальными. С. Ульман в своей работе «Семантические универсалии» полагает, что в повседневном общении язык обращен скорее к конкретному и частному, нежели к абстрактному и общему [13]. Проблема расширения и сужения значения, безусловно, представляет большой интерес.

В нашем исследовании мы коснемся только лингвистической проблемы табу. Языковые табу возникают в основном ввиду следующих причин:

1) существуют случаи употребления табу из-за чувства страха или «священного ужаса», особенно это касается религиозных ограничений, а именно упоминания имени бога, когда из суеверия избегают называть своими именами мертвых, дьявола, злых духов;

2) данная группа случаев употребления табу продиктована чувством деликатности, когда мы говорим на такие неприятные темы, как болезнь, смерть, физические и моральные недостатки, кража, убийство, – мы часто прибегаем к эвфемизмам;

3) табу также могут употребляться из стремления соблюдать приличия, например, запреты на бранные слова или названия определенных частей и функций тела.

При употреблении слова в функции эвфемизма оно часто приобретает отрицательное значение. Многие ученые-семасиологи отметили частое так называемое пейоративное изменение значения слова. Отметим, что анализ словарей русских и английских языков, показывает, что слово «пейорация» означает ухудшение состояния, качества, значения, также унижение человека и его достоинства, оскорбление, порицание, осуждение [6].

В последние годы отмечается повышенный интерес к оценочной лексике, однако мало работ посвящено исследованию данной проблемы. Отметим следующие: И.И. Кремиха (1987), Н.Б. Савинкова (1987), Н.П. Шибаева (1988, 1990), Л.В. Сафонова (1985), В.И. Карасик (2002), Е.В. Коваленко (2007).

В различных русских и английских лингвистических источниках существует разная интерпретация данного термина – от табуированной лексики, а именно жаргонизмов, сленга до нормативной лексики. Единое мнение заключается в том, что в русском и английском языках пейоративная лексика выражает критику, уничижение, обвинение, пренебрежение. Частные случаи употребления так называемого пейоративного изменения значения слова участились. Многие ученые связывают данное явление с наступлением эпохи пессимизма и цинизма.

В.И. Карасик разделяет представленные во многих словарях пейоративы на две группы: общие и специальные пейоративы. Общие пейоративы представлены группой слов, выражающих оценочно-статусные отношения. К данной группе слов относятся такие слова, как *bastard, scoundrel, jerk, son of bitch, rascal,* перевод данных слов на русский язык считается ненормативной лексикой. Однако, по мнению В.И. Карасика, в английском языке отношение к подобным словам более терпимое, нежели в русском языке [4].

Специальные пейоративы подразделяются на объективные и субъективные. Объективные пейоративы представляют собой языковые единицы, обличающие человеческие пороки и недостатки: жадность, лживость, глупость, распущенность*; bullhead, ass, ignoramus*. К группе субъективных пейоративов относятся языковые единицы идеологической направленности, обозначающие классовые, национальные предрассудки [4].

Наряду с пейоративными изменениями смысла существуют также изменения в обратном направлении, т.е. процесс мелиорации, когда неприятный оттенок в значении

либо ослабляется, либо переходит в положительный. Примером ослабления может служить англ. blame «порицать, осуждать», которое раньше являлось синонимом слова blaspheme «богохульствовать»; положительное изменение произошло в значении слова nice «приятный, милый», этимологически слово восходит к латинскому nescius «невежественный». По мнению С. Ульмана, особый интерес представляет проблема исследования нейтральных слов, которые стремятся специализировать свое значение либо в положительную, либо в отрицательную сторону. Так, например, англ. слова *luck* и *fate* являются нейтральными словами с одинаковым значением «судьба», но прилагательные *lucky* «удачливый, счастливый» и *fatal* «роковой» имеют противоположные значения [13]. Проблема исследования преобладания отрицательных значений слов над положительными значениями требует более широкого изучения. Многие ученые полагают, что число отрицательных значений увеличивается за счет эвфемизмов.

В «Словаре русского языка» понятие «эвфемизм» определяется как слово или выражение, употребляемое взамен другого, которое по каким-либо причинам неудобно или нежелательно произнести [8]. По мнению Сеничкиной Е.П., эвфемизмы обладают четырьмя обязательными признаками: во-первых – это обозначение нежелательного денотата. Денотат эвфемизма соотносится с предметом или явлением, характеризующимся негативной оценкой или коннотацией; во-вторых – семантическая неопределенность эвфемизма, которая позволяет уменьшить негативную оценку денотата; в-третьих – улучшение характера денотата эвфемизма по сравнению с заменяемым словом или сочетанием; в-четвертых – формальный характер улучшения денотата. Например, слово навеселе является эвфемизмом, потому что, во-первых, соотносится с нежелательным денотатом (данное слово описывает пьянство); во-вторых, имеет долю семантической неопределенности, поскольку указывает не на характерную черту пьяного, на сопутствующий признак (становиться веселым); в-третьих, наименование слова навеселе имеет улучшающий характер (веселый положительнее денотата пьяный); в-четвертых, и говорящему, и адресату понятно, о ком идет речь, поэтому улучшение денотата носит формальный характер [11].

И.П. Гальперин разделяет эвфемизмы на

1) религиозные;
2) моральные;
3) медицинские;
4) политические.

Способы образования эвфемизмов весьма разнообразны. Наиболее распространенным способом является метонимия, т.е. выражение каким-нибудь одним признаком самого понятия. Например, употребление английского слова *to glow* в значении *to sweat* (вспотеть). Эвфемизмы также образуются посредством метафор, перифраз и других стилистических средств. Особенно часто для образования эвфемизмов используются иностранные слова [3].

Отметим, что в английском языке различают так называемые дисфемизмы или какофемизмы. Их стилистическая функция обратная той, которую выполняют эвфемизмы. Они выражают понятие в более резкой и грубой форме, обычно нелитературной форме, по сравнению с тем словом, которое закреплено за данным понятием. Так например, понятие смерти в английском языке имеет следующие какофемизмы: *to kick the bucket, to go off the hooks* («дать дуба», «сыграть в ящик»). Приведенные выше примеры представляют собой эвфемистические синонимы и эвфемистические перифразы, уже закрепленные в языке, являющиеся частью словарного состава. Однако существуют речевые эвфемизмы – средство для использования в конкретных художественных целях в определенном контексте. В большинстве случае это эвфемистические синонимы, задача которых − смягчение грубых слов и выражений. Например, в предложении *they think we have come by this horse in some dishonest manner* (Ch. Dickens), *come by this horse in some dishonest manner («*приехать на этой лошади бесчестным образом») является эвфемистическим синонимом *«we stole the horse*» *(«*украсть лошадь»).

В целом, понимая под эвфемизмами слова, которые являются своеобразной заменой запретным неприемлемым словам или сочетаниям, многие лингвисты полагают, что существует проблема в определении единых критериев разграничения эвфемизмов от неэвфемизмов. Такая неопределенность в понимании эвфемизмов привела к тому, что огромное количество языковых единиц в русском и английском языках остается нигде не учтенным.

Как было сказано выше, многие ученые полагают, что одним из распространенных видов семантической деривации является метафора. Антропоцентричность метафоры признается большинством лингвистов. В своей знаменитой работе «Метафоры, которыми мы живем» Дж. Лакофф и М. Джонсон утверждают, что процессы человеческого мышления во многом метафоричны, т.е. концептуальная система человека структурирована и определена с помощью метафоры [5]. На современном этапе развития теории метафоры практически общепризнанным является взгляд на метафору как на «компонент человеческого познания» [7]. Н.Д. Арутюнова замечает, что в метафоре стали видеть ключ

к пониманию основ мышления и процессов создания не только национально-специфического видения мира, но и его универсального образа [1]. Отметим, что современные исследования по метафоре направлены на установление общих закономерностей процесса формирования переносных значений, которые проявляются в лексико-семантической системе языка.

В рамках нашего исследования особый интерес представляют случаи регулярной семантической деривации в неродственных языках, в частности в русском и английском. Обратимся к предикатной лексике русского и английского языка, а именно к глаголам физического процесса. Наиболее распространенным является переход от конкретного значения к абстрактному. Какие вторичные, метафорические значения они развивают? Рассмотрим основные и переносные значения следующих глаголов в русском и английском языках. Основное значение русского глагола таять – «*превращаться в воду под действием тепла (о снеге, льде)*». В *середине великого поста наступила сильная оттепель. Снег быстро начал таять, и везде показалась вода. С. Акс. Детск. Годы Багр.-внука. При переносе в эмоциональную сферу преобразовывается в метафорическое значение «приходить в умиленное, разнеженное состояние; млеть (обычно, восхищаясь кем-либо, испытывая влечение к кому-либо)». Он подходил к новичку и заводил с ним длинный дружеский разговор. Новичок таял. Куприн*. На переломе. *Однако при переходе в физиологическую сферу данный глагол развивает метафорическое значение «худеть, чахнуть, изнемогая от болезни, горя». Кузнецова дочка, Феклуша, таяла с каждым днем; она лежала совсем чахленькая, желтая, с лицом старушки. Глад. Вольница. Основное значение английского глагола melt* – «if something solid melts or if heat melts it, it becomes liquid (*превращаться в жидкость*, *таять*)». *The snow was melting in the early morning sun (Снег таял под ранним утренним солнцем). При переходе в эмоциональную сферу глагол преобразовывается в значение «*to become more gentle and sympathetic (становиться добрее, смягчаться, умиляться)». *He shouted at a little girl, but his heart melted when he saw her crying (Он накричал на маленькую девочку, но его сердце смягчилось, когда он увидел, как она плачет). В русском и английском языках некоторые метафорические значения являются аналогичными, а именно таять – «приходить в умиленное, разнеженное состояние; млеть»; melt* – «*становиться добрее, смягчаться, умиляться». Но русский глагол таять имеет специфическое метафорическое значение при переносе в физиологическую сферу «худеть, чахнуть, изнемогая от болезни, горя».* Таким образом, мы наблюдаем здесь специфический вид метафорического переноса, характерный лишь для данного языка.

Обратимся к примерам общих и специфических для двух анализируемых языков вторичных значений следующей группы глаголов. Например, твердеть– «*становиться твердым, более твердым, принимать состояние твердого вещества». Снег, рассыпчатый и все твердевший от мороза, визжал и хрустел при каждом, самом осторожном шаге. Бунин. Игнат. При переносе в волевую сферу появляется метафорическое значение «становиться твердым, решительным». Твердея в умысле своем, Он с гордым шведским королем Свои сношенья продолжает. Пушкин*. Полтава. *Основное значение английского глагола harden– «*to become firm or stiff, or to make something firm or stiff (*становиться твердым и упругим или делать что-то твердым или упругим)». Make sure you give enough time to paint to dry and harden (Убедитесь, что вы дали достаточно времени краске высохнуть и застыть. При метафорическом переносе появляется два вторичных значения, одно из которых является специфическим*:

1) «to become more strict and determined and less sympathetic *(становиться более строгим, решительным)».Opposition to the military regime has hardened since the massacres (Военный режим ужесточился с тех пор как массовые бойни участились)*;

2) «to make yourself not feel pity or sympathy for someone *(не чувствовать сострадания к кому-либо, становиться жестоким)». Harden your heart (иметь каменное сердце)*. Отметим, что английский глагол физического процесса *harden развивает специфическое значение при метафорическом переносе: «не чувствовать сострадания к кому-либо, становиться жестоким».*

Рассмотрим следующие примеры общих и специфических метафорических значений следующих глаголов. Основное значение русского глагола каменеть– «становиться твердым, как камень; принимать вид и свойства камня. Леонтий, как изваяние, вылился весь окончательно в назначенный ему образ и окаменел навсегда. Райский искал чего-нибудь другого, где бы он мог не каменеть, не слыша и не чувствуя себя. Гончаров. Обрыв. Метафорический перенос в физиологическую сферу образует специфическое значение «становиться безжизненным, неподвижным; застывать (о человеке, чертах). Лицо человека, одетого мужиком, оставалось неподвижным, даже еще больше каменело. М. Горький. Жизнь Кл. Самгина. Английский глагол stiffen имеет

*одно основное значение «*to make material stiff so that it will not bend easily *(делаться негибким, жестким) и два вторичных значения:*

1) to suddenly become unfriendly, angry or anxious *(внезапно становиться недружелюбным, злым, агрессивным). Francesca stiffened at his suggestion that it was her fault (Франческа рассердилась на его предположение о ее виновности); второе метафорическое значение «*to become stronger or more determined *(становиться решительнее, сильнее) является специфическим. The advancing army met stiffening resistance (Наступающая армия встретила решительное сопротивление).*

Таким образом, глаголы физического процесса в генетически неродственных русском и английском языках развивают специфические значения при метафорическом переносе: русс. таять – *«худеть, чахнуть, изнемогая от болезни, горя»; англ. harden– «не чувствовать сострадания к кому-либо, становиться жестоким»; русс. каменеть – «становиться безжизненным, неподвижным; застывать (о человеке, чертах)»; англ. stiffen– «становиться решительнее, сильнее». Данные метафорические значения связаны прежде всего с эмоциональной сферой (чувства умиления, добра, любви, решительности, злости, ненависти), а также физиологической сферой, т.е. реализуются следующие модели семантической деривации:*

1) *в русском языке: «физический процесс → физиологическое состояние»;*

2) *в английском языке: «физический процесс → эмоция»*, «физический процесс → *волевое состояние»*.

Говоря о перспективах изучения моделей семантической деривации, отметим, что данная проблема остается наиболее актуальной, поскольку семантическая деривация является наиболее продуктивным способом обогащения словарного состава любого языка, в отличие от других видов семантических изменений. Мы полагаем, что на современном этапе развития лингвистики основной задачей является исследование регулярных метафорических переносов, т.к. метафора представляет собой один из распространенных видов семантической деривации. В *свою очередь, антропоцентризм метафоры очевиден, и ее связь с процессами познания и отражения картины мира не может не отражаться на лексико-семантической системе языка.*

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. – М., 1990. – С.6.

2. Варламова М.Ю. Семантическая деривация на базе наименований лица в современном русском языке: дис. ... канд. филол. наук. – Казань, 2008. – С. 20–21.

3. Гальперин И.Р. Проблемы лингвостилистики // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1980. – Вып. 9. – С. 173.

4. Карасик В.И. Языковый круг: личность, концепты, дискурс: монография; Волгогр. гос. пед. ун-т. – Волгоград: Перемена, 2002. – С. 257.

5. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: пер. с англ. / под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.

6. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия. 1990. – С. 296.

7. МакКормак Э. Когнитивная теория метафоры // Теория метафоры. – М., 1990–С. 381.

8. Некипелова И.М. К вопросу о разграничении понятий семантическая деривация и семантическое словообразование в диахроническом аспекте // Вестник Томского государственного университета. – 2011. – № 2 (14).

9. Словарь русского языка: В 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. – М. Т. 1, 1981; Т. 2, 1983; Т. 3, 1983; Т. 4, 1984. (МАС). – С. 746.

10. Потебня А.А. Мысль и язык. – Киев: СИНТО, 1993. – 192 с.

11. Пауль Г. Принципы истории языка / пер. с нем. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1960. – С. 103–106.

12. Сеничкина Е.П. Словарь эвфемизмов русского языка. – М.: Флинта: Наука, 2008. – С. 7–8.

13. Ульман С. Семантические универсалии // Новое в лингвистике. – М., 1970. – Вып. 5. – С. 280–285.

14. Шмелев Д.Н. Очерки по семасиологии русского языка. – 2-е изд., стереотип. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – С. 19–20.

References

1. Arutyunova N.D. Metaphor and Discourse / / Theory of metaphor. M., 1990. pp. 6.

2. Varlamova M. U. Semantic derivation based on name of the person in the modern Russian language: diss. PhD – Kazan, 2008, pp. 20-21.

3. Galperin I.R. Problems of stylistics / / New in foreign linguistics. M., 1980. issue. 9. pp. 173.

4. Karasik V.I. Linguistic Circle: Personality, Concepts, Discourse: monograph / Karasik V.I.; Volgogr. Reg. ped. Univ. – Volgograd: Peremena, 2002. pp. 257.

5. Lakoff G., Johnson M. Metaphors we live by: Translation from English. / Ed. and foreword A.N. Baranova. – Moscow: Editorial URSS, 2004. 256 p.

6. Linguistic Encyclopedic Dictionary / Ch. Ed. V.N. Yartseva. Moscow: Soviet Encyclopedia. 1990. pp. 296.

7. McCormack E. Cognitive theory of metaphor / / Theory of metaphor. M., 1990. pp. 381.

8. Nekipelova I.M. On the question of delimitation of the concepts and semantic derivation and semantic wordformation in diachronic aspect / / Bulletin of the Tomsk State University. 2011 no. 2 (14).

9. Russian dictionary: 4 volumes / Ed. A.P. Evgenyeva. M.Volume1,1981,Volume 2, 1983, Volume 3, 1983, T. 4, 1984. (SCD). pp. 746.

10. Potebnya A.A. Thought and Language. Kiev: Sinto, 1993. 192 p.

11. Paul G. Principles of the history of language / Translation from German. Moscow: Publishing House of Foreign Literature, 1960. 103–106 p.

12. Senichkina E.P. Euphemisms dictionary of Russian. M. Flint: Science, 2008. 7–8 p.

13. Ullman S. Semantic Universals / / New in linguistics. M., 1970. Issue. 5. 280–285 p.

14. Shmelev D.N. Essays on semasiology of russian language. Ed. 2nd, stereotypical. Moscow: Editorial URSS, 2003. 19–20 pp.

Рецензенты:

Калимуллина Л.А., д.ф.н., заведующая кафедрой общего и сравнительно-исторического языкознания Башкирского государственного университета, г. Уфа;

Салихова Э.А., д.ф.н., профессор кафедры языковой коммуникации и психолингвистики, ФГБОУ ВПО «Уфимский государственный авиационный технический университет», г. Уфа.

Работа поступила в редакцию 18.02.2014.